

Азаренко Надежда Александровна

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА-МЕТАФОРЫ "БОГОПРИСУТСТВИЯ" В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "ПОДРОСТОК"

В статье с новых методологических позиций дается языковое описание творческой метафоры Ф. М. Достоевского, нашедшей свою реализацию в центральных и периферийных персонажах романа "Подросток", в частности, в образе Макара Долгорукого. Исследование христианского творчества Достоевского, с метафорической точки зрения, является новым для современной филологии и может стать еще одним инструментом интерпретации мировидения писателя, а следовательно, и новым способом прочтения его итоговых произведений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 15-17. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'42; 801.7

Филологические науки

В статье с новых методологических позиций дается языковое описание творческой метафоры Ф. М. Достоевского, нашедшей свою реализацию в центральных и периферийных персонажах романа «Подросток», в частности, в образе Макара Долгорукого. Исследование христианского творчества Достоевского, с метафорической точки зрения, является новым для современной филологии и может стать еще одним инструментом интерпретации мировидения писателя, а следовательно, и новым способом прочтения его итоговых произведений.

Ключевые слова и фразы: концептуальная метафора; метафоричность; религиозное миропонимание; Бог; Богоприсутствие.

Азаренко Надежда Александровна, к. филол. н., доцент
Липецкий государственный педагогический университет
azarenko.nadezhda@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА-МЕТАФОРЫ «БОГОПРИСУТСТВИЯ» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»[©]

Как мы уже неоднократно отмечали [2; 3], всё или почти всё послекаторжное творчество Достоевского может быть понято исключительно через призму Священной Истории (в основном новозаветной), что и предопределило **цель** настоящего исследования – описать основные языковые средства представления религиозной метафоры одного из центральных образов предпоследнего романа «Пятикнижия» – образа Макара Ивановича Долгорукого, который, на наш взгляд, можно определить в качестве образа-метафоры Богоприсутствия в романе «Подросток» (о Богоприсутственности у Достоевского см.: [7]).

Стоит сказать, что, несмотря на общепризнанность, христология автора «Великого Пятикнижия», и тем более её связь с языковыми репрезентантами, изучена еще явно недостаточно и многие вопросы остаются остро дискуссионными. Связано это в первую очередь с тем, что все тексты Достоевского находятся в рамках религиозной концептосферы, а большинство религиозных концептов относится к классу абстрактных сущностей, которые не даны в конкретных ощущениях, поэтому основным способом их концептуализации является метафорический перенос. По словам С. Г. Воркачева, метафора – «это единственный способ воплотить в чувственном образе бестелесную и труднодостижимую абстракцию» [4, с. 57]. Именно поэтому концептуальные метафоры широко используются в Библии [8-10].

Последовательно религиозное миропонимание Достоевского и предопределило метафору в качестве одного из основных инструментов его концептуализации мира. Композиционная структура художественных произведений писателя строится на основе сходства (с библейскими реалиями), в связи с чем, на наш взгляд, можно говорить о метафорической композиционной структуре романов писателя.

В настоящей статье, как и других наших работах [2; 3], мы предпринимаем попытку проанализировать особенности миропонимания великого писателя посредством исследования его специфической особенности представлять одну понятийную область (христиански ориентированную) в терминах другой (бытовой, обыденной, эмпирической).

Так, на наш взгляд, образ Макара Ивановича Долгорукого можно рассматривать в качестве метафоры Богоприсутствия, а конкретнее, – в качестве метафоры Бога, восходящей к двум его изображениям: Яхве в Ветхом Завете и Бога Отца в Новом Завете.

Структура цели названной метафоры представлена в романе в основном имплицитно – посредством общего модального плана высказывания, контекстных индивидуально-авторских смыслов, накладывающихся на узуальное значение слов.

Так, например, мы читаем, что Подростка в его законном отце «прежде всего привлекало... **чрезвычайное чистосердечие и отсутствие малейшего самолюбия; предчувствовалось почти безгрешное сердце**» [5, с. 308]. Такие качества характера, как чистосердечие и отсутствие самолюбия, у Достоевского, вслед за текстами Священного Писания, последовательно сопряжены с богоориентированной метафоричностью образов, характеризующих с помощью названных существительных. Кроме того, для правильного прочтения метафоры образа важны экспрессивные распространители существительных «чистосердечие» и «самолюбие» – прилагательные «чрезвычайное» (чистосердечие) и «отсутствие» («малейшего» (самолюбия). Оба прилагательных выражают максимальное усиление названных ими признаков, что, видимо, должно довести божественную метафоричность образа до максимальной ее реализации, именно поэтому мы определили фигуру Макара Долгорукого в качестве метафоры «главного» Бога – Бога Отца.

«Христорокиость» [6] образа Макара Ивановича подтверждается и неоднократным употреблением в его характеристиках лексем, содержащих в структуре своего лексического значения сему «дитя» («ребенок»). Так, мы читаем о том, что «**что-то детское и до невероятности привлекательное мелькнуло и в мимолетном смехе этого старика**» [5, с. 286]. Реализацию той же метафоры мы обнаруживаем и в следующих словах,

вложенных Достоевским в уста Аркадия: «Для меня, господа... видеть вас всех подле этого **младенца** (я указал на Макара) – есть безобразие» [Там же, с. 305].

На особую духовную сущность детей, предопределившую их божественную метафоричность, мы многократно указывали (см., напр.: [3] и др.): лексемы с семантикой детскости последовательно представляют структуру источника религиозной метафоры «дети есть ангелы Божии», через которую легко прочесть и метафоричность образов, характеризующихся с помощью конститuentов лексико-семантического поля «дети».

Важно также, что Макар Иванович номинируется с помощью существительного «младенец», указывающего на однозначно ангельский возраст, что лишний раз подчеркивает максимальную реализацию богоориентированной метафоричности в образе Макара Долгорукого.

То же призвана продемонстрировать и следующая цитата из письма Макара Ивановича Софье Андреевне: «*Любезным детям **нашим** посылаю родительское благословение наше...*» [5, с. 13]. Использование притяжательного местоимения «нашим», указывающего на принадлежность множественному числу, выражает контекстную информацию о том, что Макар Иванович признает чужих детей – детей Версилова – своими, подобно тому, как все люди – дети отца небесного, молитвам к которому предпослано обращение, выраженное старой звательной формой «отче **наш**».

Можно отметить и еще одно символическое указание на особую, «светлую» метафорику образа Макара Долгорукого. Когда после девяти дней беспомыслия Аркадий встретился со своим юридическим отцом, «*солнце **ярко светило в окно перед закатом***» [Там же, с. 287]. После состоявшегося разговора со стариком Подросток пишет в своих «Записках» следующее: «*Я лежал лицом к стене и вдруг в углу увидел **яркое, светлое пятно заходящего солнца...** и вот помню, вся **душа** моя как бы **взыграла** и как бы **новый свет проник в мое сердце...** Это был лишь миг **новой надежды и новой силы...***» [Там же, с. 291].

Лексемы с корнем -свет- у Достоевского последовательно положительно сакрализованы [1]; мотив заходящего солнца обычно маркирует моменты духовных кризисов героев, моменты обретения **нового** духовного статуса (в процитированном фрагменте прилагательное «новый» употребляется трижды), а в данном случае, помимо этого, может также указывать на «светлую» метафорику образа Макара Ивановича, **освещающего** и **освящающего** членов «случайного семейства». Оба смысловых плана реализуются в образной метафоре «новый свет проник в мое сердце».

Структуру цели анализируемой метафоры, с помощью которой может быть адекватно прочитан образ Макара Долгорукого, помимо прочего эксплицирует субстантивированное прилагательное «святой» («его не иначе поминали как **какого-нибудь святого** и **много претерпевшего**» [5, с. 9]) и простая сравнительная форма безлично-предикативного слова «совестно» («совестнее»): Версиров говорит, что ему «*под конец стало **втрое при нем** (Макаре Ивановиче) **совестнее***» [Там же, с. 107]. Ту же «христоликую» метафоричность выражает и устаревшее, высокое существительное «лик» («*Какой **спокойный, благообразный лик** у него, мама!*») [Там же, с. 392]), которое своим прямым номинативным значением называет изображение лица на иконах.

Стоит отметить, что духовная, а, следовательно, и метафорическая наполненность образа Макара Долгорукого «продолжается» в следующем, ставшем последним романе «Великого Пятикнижия» – «Братьях Карамазовых» – в образе старца Зосимы, которого также можно определить в качестве метафоры Бога Отца. Оба персонажа, например, знают и проповедуют «Житие Марии Египетской», оба цитируют Евангелие: в рассказе Макара Ивановича о купце Скотобойникове приводится прямая цитата из Евангелия от Матфея: «*А иже еще соблазнит единого малых сих верующих в мя, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей*» (Матфей, гл. 18, ст. 6) [Там же, с. 318].

Итак, языковые характеристики Макара Долгорукого позволяют сформулировать общий вывод о том, что последовательно религиозное мировосприятие Достоевского наделило главный «светлый» образ романа чертами, присущими центральному лицу Священной Истории, что позволило создать ощущение Богоприсутствия в анализируемом романе.

Список литературы

1. Азаренко Н. А. Концептуализация СВЕТА и ТЬМЫ в языковой картине мира Ф. М. Достоевского (на материале романа «Преступление и наказание»): дисс. ... к. филол. н. Липецк, 2007. 247 с.
2. Азаренко Н. А. Религиозная метафорика периферийных образов романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (42). С. 15-17.
3. Азаренко Н. А. Языковые средства объективации христианских мотивов в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Липецк: ЛГПУ, 2013. 262 с.
4. Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград: Перемена, 2003.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 13. 451 с.
6. Иустин преподобный (Попович). Достоевский о Европе и славянстве / вступит. статья Н. К. Симаква; перев. с сербск. Л. Н. Даниленко. М. – СПб., 2002. 271 с.
7. Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб., 2001. С. 27-50.
8. McFague S. Metaphorical Theology. Fortrees press, 1982.
9. Ricoeur P. Naming God // P. Ricoeur. Figuring the Sacred. Religion, Narrative and Imagination. Mineapolis: Augsburg Fortrees, 1995. P. 217-23.
10. Soskice J. M. Metaphor and Religious Language. Oxford University Press, 1987.

**THE LINGUISTIC REALIZATION OF THE IMAGE-METAPHOR "GOD PRESENCE"
IN F. M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL "THE ADOLESCENT"**

Azarenko Nadezhda Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical University
azarenko.nadezhda@yandex.ru

In the article from new methodological positions the author gives the linguistic description of F. M. Dostoyevsky's creative metaphors which has found its realization in protagonists and in peripheral characters of the novel "The Adolescent", particularly in the image of Makar Dolgoruky. The research of F. M. Dostoyevsky's Christian creativity from the metaphorical point of view is new for modern philology and may become one more tool of interpretation of the writer's world outlook and consequently it may become a new way of his final works reading.

Key words and phrases: conceptual metaphor; metaphoricalness; religious world outlook; God; God presence.

УДК 8; 81-26

Филологические науки

В данной статье рассматривается проблема перевода архаического текста пьесы К. Марло «Трагическая история доктора Фауста». Особое внимание уделяется лексическим особенностям художественного текста, а именно устаревшим словам. Автор данной статьи предприняла попытку сопоставить классификации устаревших слов в русском и английском языках, а также выделила один из принципов перевода подобных текстов на основе анализа взглядов ряда исследователей.

Ключевые слова и фразы: устаревшие слова; архаизмы; историзмы; перевод; архаический текст; современный перевод.

Алексеева Анна Александровна

Московский городской педагогический университет
Vasilisk-9@mail.ru

**К СОПОСТАВЛЕНИЮ ОЦЕНКИ УСТАРЕВШИХ СЛОВ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ
К. МАРЛО «ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДОКТОРА ФАУСТА»)©**

В данной статье мы рассмотрим особенности устаревших лексических единиц на материале пьесы Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фауста» и её переводов.

В комментариях к пьесе в переводе Е. Бируковой А. Парфенов отмечает, что первое издание «Трагической истории доктора Фауста» относится к 1604 г., так называемый текст А, и сообщает о возможных добавлениях, внесенных в текст, не принадлежащих самому К. Марло [4]; наряду с текстом А, существует текст В, который относят к 1616 г., он несет в себе большее число изменений. Н. Амосова утверждает, что обе редакции комедии – А и В – являются неточными по отношению к подлинному произведению [5].

Существует несколько переводов пьесы К. Марло на русский язык, среди них – текст В, выполненный Д. Минаевым (1871 г.) [7], текст А, переведенный К. Бальмонтом (1912 г.) [6], Е. Бируковой (1961 г.) [4] и Н. Амосовой (1978 г.) [5]. По мнению А. Парфенова, причина, по которой переводчики опираются на текст А, состоит в том, что он является наиболее близким к авторскому варианту пьесы [4], Н. Амосова пишет, что текст А является единственным вариантом пьесы, заслуживающим внимания, несмотря на свои недостатки [5].

На данном этапе исследования нами был проведен анализ текста А и его переводов. Методом сплошной выборки из английского и русского художественных текстов нами был сформирован корпус языкового материала для анализа, при работе с фактическим материалом использовался электронный Оксфордский словарь английского языка [12].

Н. П. Чепель в монографии «Прагматические аспекты перевода исторических реалий» отмечает, что время, когда было создано произведение откладывает отпечаток не только на предметное содержание художественных образов, но и на его языковое оформление [9]. Трагедию К. Марло следует отнести к архаическим произведениям, которые характеризуются определенной спецификой, в области лексики – это устаревшие слова.

Согласно пометам, которые дают авторы Большого Оксфордского словаря [12], всю несовременную лексику мы можем разделить на следующие группы: историзмы (hist.), архаизмы (arch.), устаревшие слова (obs.) и редкие слова (rare). Нами было отобрано 130 случаев употребления несовременной лексики, среди них самую большую группу составляют слова и словосочетания, относящиеся к устаревшим, – 53 случая, несколько меньше архаизмов – 40 примеров, к группе редких слов было отнесено 11 слов и словосочетаний, только 7 – к историзмам.